

Первая встреча с Леонидом Григорьевичем Башковым состоялась осенью 1998 года в офортной студии на Васильевском острове. В саму студию я попал благодаря печатнику Разуваеву Сергею Ивановичу, с которым был знаком по мастерской в Доме художника на Песочной набережной 16. В этой мастерской, расположенной в подвале, в былые времена работали прославленные ленинградские художники-графики. Я застал последние годы ее работы, но еще успел увидеть какой она была до начала полного развала, который был характерен для девяностых годов. Когда печатная мастерская практически прекратила свое существование, мастера-печатники стали из нее уходить. Сергей Иванович устроился на работу в училище им. В. И. Мухиной, где в это время преподавал Леонид Григорьевич. Вместе с Баскаковой Еленой Евгеньевной, которая также ранее работала на Песочной 16, они организовали офортную студию, где в основном студенты-мухинцы, а также несколько молодых художников, занимались изучением офорта. Елена Евгеньевна, будучи хозяйкой мастерской, обеспечивала всех помещением, помогала коптить доски, травить кислотой, печатать, помогала советом, в общем делала все, чтобы студийцы не простаивали и активно занимались делом. Сергей Иванович набивал доски и печатал. Леониду Григорьевичу принадлежала роль художественного руководителя всего этого процесса.

Разуваев, когда я очередной раз пришел к нему в Мухинское училище с просьбой напечатать мои доски, предложил мне углубленно позаниматься офортом в студии на Васильевском острове. Так я первый раз попал в эту студию и увидел Леонида Григорьевича. В это время народу было много, приходило 10 и более человек. Для достаточно маленькой мастерской и одного офортного станка такого количества студийцев хватало с избытком, но как-то все умудрялись куда-то сесть и работать. Леонид Григорьевич в основном сидел на кухне, куда ему приносили работы для показа и там же получали советы. В связи с большим количеством студийцев, а также учитывая тот факт, что руководитель мастерской при разборе работы часто увлекался и мог долго и скрупулезно говорить только про один офорт, подойти к Башкову было не так просто, порой требовалось как следует подождать. В этом проявлялся характер Леонида Григорьевича. Он старался заставить ученика сделать совершенный офорт и пытался с помощью слов добиться, чтобы ученик сам понял, что надо делать. Как правило ни один офорт сразу не принимался. Всегда находились места, которые надо доработать, подправить. Но советы были разумные. В них не было желания заставить ученика просто так переделать офорт, а была цель максимально хорошо сделать работу. Многие идеи были неожиданные, но интересные. Иногда советовал для улучшения композиции, подрезать офортную доску, даже когда уже казалось, что все готово и изменить ничего нельзя. Но после подрезки доски композиция улучшалась. Много внимания уделялось цвету, которым печатать офорт. Хотя техника офорта, как правило монохромна, правильный выбор тона для каждого сюжета, оказывал сильное влияние на восприятие картины целиком. Всегда прослеживалась главная цель – сделать цельное и завершенное произведение.

Требование к композиции у Леонида Григорьевича было одно из основных или самым основным. Касалось это не только офорта, но и рисунка и всего остального. Про восходящую и нисходящую диагональ приходилось слышать много-много раз. А также про вертикаль и горизонталь. Не сразу все стало понятно, но со временем приходило понимание. Кроме Микеланжело, который был наиболее любимым мастером Башкова, очень часто упоминался Гильдебранд и Фаворский. Леонид Григорьевич в Мухинском училище преподавал рисунок, а также вел студию рисунка у себя дома. Я не сразу прочитал книгу Гильдебранда, а также Фаворского, так как эта литература не была широко доступна. Копию труда Гильдебранда удалось сделать на ксероксе с экземпляра Леонида Григорьевича, а книгу Фаворского нашел в магазине «Старая книга». После прочтения этих книг, стало более понятно, чего он пытался добиться от своих учеников. Кто читал эти книги, тот поймет, что они совсем не простые, и их понимания дается с

трудом. Но это также было в духе Леонида Григорьевича. Он не пытался идти простым путем, а ориентируясь на великих художников прошлого старался добиться совершенства в своих работах и работах учеников. Безусловно, все ученики не могли полностью понять все, что им говорилось, особенно совсем молодые, но те, кто понял и упорно работал, делали заметные успехи. Постоянно упоминалась необходимость видеть затылок, когда рисуешь нос. Кроме упоминания вышеупомянутых уважаемых мастеров, также регулярно звучала цитата Леона Баттиста Альберти о том, что необученная рука не должна брать карандаш в руки. То есть, если все упростить, то получалось «учиться, учиться и еще раз учиться». По сути дела, постоянная потребность изучать и совершенствовать рисунок, была также характерной чертой Леонида Григорьевича.

Но кроме рассуждений и объяснений, Башков не боялся работать вместе с учениками, и постоянно личным примером показывал как надо рисовать и доводить свой рисунок до совершенства. Это тоже немаловажная черта характера. Далеко не все, кто любит и умеет говорить, способны личным примером показать, как надо работать. И требовательность проявлялась не только к ученикам, а в первую очередь, к самому себе. Многие сюжеты прорабатывались много раз, но, мне кажется, что Леонид Григорьевич полностью не был доволен ни одной своей работой и готов был бесконечно доводить их до совершенства. Своей энергией и фанатичным отношением к рисунку он сумел заразить своих учеников. Чего только стоили рисунки, сделанные с копии Пергамского алтаря, которую передали в Мухинское училище. Сами рисунки получились не менее грандиозны, чем сам алтарь. В них не было цели механически скопировать произведение древних, а было желание осмыслить как это делалось и самому приблизиться к совершенству. Кто видел эти рисунки, тот поймет, что умение видеть трехмерно и чувствовать затылок, когда рисуешь нос, было для него не пустыми словами. Леонид Григорьевич верил, в то, что говорил, и сам применял эти принципы на практике.

Подход к рисунку был очень интересен. Как я понимаю, он пытался на основании лучшего, что было ранее создано, и, с учетом собственного опыта, добиться совершенного результата. Имея опыт учебы и работы в Академии художеств института им. И.Е. Репина, а также преподавания в ЛВПХУ им. В. И. Мухиной, Леонид Григорьевич создал рисунок, которого не было ни в том, ни в другом учебном заведении. В своих воспоминаниях о заведующем кафедрой рисунка ЛВПХУ им. В. И. Мухиной Петрове, пишет, что именно Петров натолкнул его на создание своего рисунка. Я не могу дать объективную оценку, что послужило толчком, но результат на лицо. Получился рисунок другого, качественно нового уровня. В нем нет академической сухости, нет «угловатости», характерной для Мухинского училища. Рисунок Башкова живой, интересный и высокопрофессиональный. Он основан на знании, мастерстве, трудолюбии и большой любви к искусству.

Кроме офортов и рисунков Башков делал великолепные монотипии. В тот период, когда я с ним был знаком, виды работ носили сезонный характер. В течении учебного года, в основном, были рисунки обнаженной модели, которые делались во время занятий с учениками. А в летний период, когда учеников не было, Леонид Григорьевич на даче в Сиверской брался за монотипию, рисунок углем и пастелью, всего, что интересного было в огороде и его окрестностях. Мне удалось увидеть, многие работы, сделанные на Сиверской, так как не сразу, но выяснилось, что мы соседи по даче. Узнав про это, я был очень доволен, потому что появилась возможность прийти за советом со своими работами и посмотреть, что сделал Леонид Григорьевич не только во время учебного года, но и летом. Учитывая, что многочисленные ученики не отвлекали его на Сиверской, я имел возможность спокойно послушать Башкова и обсудить свои работы. Эти встречи были очень интересны и полезны для меня. Слушать Леонида Григорьевича можно было бесконечно. Он обладал даром рассказчика. Многие помнят его рассказы про армию, про бабушку и конечно, про прыжок с одной сосны на другую, когда он недопрыгнул и упал примерно с пятиметровой высоты, после чего его несли, грузили в лодку и чуть не утопили. Все эти рассказы вполне возможно опубликовать и читать их будет интересно.

Но кроме рассказов про жизнь и искусство, Башков давал очень четкие и интересные советы о том, как улучшить работу. Фантазия работала у него великолепно. Трудно припомнить, чтобы он не смог что-либо придумать или посоветовать. Но все советы были грамотные и если, ты сам мог их реализовать, всегда шли на пользу. Леонид Григорьевич не пытался своими руками исправить работу, а добивался того, чтобы ты сам, своими руками, все сделал. Я считаю этот подход верным, так как через свои руки все доходит гораздо лучше. И демонстрация его работ была хорошим примером, как надо работать. На Сиверской у Башкова находился офортный станок, что позволяло делать монотипию. Но даже в этой технике, в которой большинство создают работы, как правило, быстро и без тщательной проработки, все было не так. Работа над одной монотипией могла длиться несколько дней. Смазав металлический лист машинным маслом, Леонид Григорьевич добился того, что мог со свойственной ему скрупулезностью доводить работу, не опасаясь, что краска засохнет. И результаты были очень интересные. Также он мог скрупулезно рисовать корень дерева, куст, цветок. Но это не были ботанические зарисовки. Работы получались творческие. В них чувствуется пространство и то, что художник сознательно шел к своей цели. Создавались портреты цветов, кустов и т. д., если так можно сказать про неодушевленный предмет. Это уже был образ, а не пособие по ботанике. И в рисунках Пергамского алтаря, и в рисунках цветов есть одинаковая мощь и цельность.

Фактически я не видел, как создавались офорты. Во время занятий в офортной мастерской на Васильевском острове Леонид Григорьевич показывал, как работать шабером, как провести линию, но полностью процесса создания офорта я не застал. Основной период активной работы в этой технике был до нашего знакомства. Его офорты я видел у него дома и на посмертной выставке.

Выставок было очень мало. По каким-то причинам с Союзом художников отношения были очень давно испорчены, а характер у Башкова был гордый и независимый, поэтому на Большой Морской, 38, где, как правило, регулярно выставляются члены Союза, его работ не было. Остальные выставки были в очень ограниченном количестве, в том числе, в закрытом для широкой публике выставочном зале музея Мухинского училища. То есть для зрителей Леонид Григорьевич был практически неизвестен.

Поэтому посмертная выставка практически открыла для широкой общественности Башкова, как художника. Вопрос о том, чтобы организовать выставку периодически поднимался самим Леонидом Григорьевичем. В основном рассматривался вариант с Мухинским училищем, и как второй вариант – выставочный зал Союза художников. Выставку планировали посвятить 80-летию. Готовился он очень серьезно, было видно, что ему хочется показать плоды своего многолетнего труда, но при этом также, хотелось довести работы до совершенства, а этот процесс бесконечный. Периодически Леонид Григорьевич показывал мне свои работы и спрашивал мое мнение о его готовности к выставке. С моей точки зрения, работы были музейного уровня и конечно их можно выставлять не боясь опозориться. Но Башков считал, что они еще не доведены до совершенства и их надо доработать. А мне очень хотелось увидеть его картины в большом зале и в большом количестве. Конечно, и в квартире интересно было их смотреть, но желание увидеть все в комплексе и без тесноты было очень сильным. Поэтому я, как мог, пытался убедить Леонида Григорьевича, что давно пора выставить его работы. Учитывая, что его характер был совсем непростой, мои попытки убедить были весьма деликатны. По крайней мере, я сам так думал. Постепенно решение было принято, и на праздновании 80-летия, Леонид Григорьевич заявил о готовности выставиться в Союзе художников. Вариант с Мухинским училищем постепенно отпал, так как по срокам все сдвигалось и ясности не было. И когда вопрос о большой выставке, подводящий итоги работы за много лет, был практически решен и стали обсуждать конкретные варианты, Башков неожиданно умер. В это не верилось, так как еще несколько дней назад видел его активным, жизнерадостным,

продолжающим работать. Но судьба распорядилась иначе. В результате выставка получилась посмертной и сам Леонид Григорьевич ее уже не увидел.

Подготовка выставки заняла почти целый год. Огромную работу выполнили по отбору работ члены семьи, помогали ученики. Пытаться описать весь этот титанический труд я не берусь, но результат был впечатляющий. Выставка открыла для широкой публики Башкова как большого художника, великолепного рисовальщика. Открытие выставки превратилось фактически в конференцию, где каждый выступающий искренне старался высказать свое восхищение его работами и вспомнить самого Леонида Григорьевича. Такого открытия я ни до, ни после этой выставки не видел. Для большинства зрителей работы Башков были совсем неизвестны, и все с удивлением открывали для себя большого художника, о котором совсем ничего не знали. Выступающие говорили на разные темы, но то, что Леонид Григорьевич большой рисовальщик, звучало фактически в каждой речи. Отдельно следует отметить выступления его учеников, которые с огромной человеческой благодарностью вспоминали своего учителя. Выставка получилась очень продуманной, цельной и впечатляющей. В чем конечно огромная заслуга его семьи, которая сумела достойно представить художника.

Трудно сказать, сколько бы работ было еще создано, если Башков не уделял, столько времени преподавательской деятельности, с другой стороны, как мне кажется, он в процессе общения с учениками не только учил, но и учился. И это тоже способствовало его творческим удачам. Хотелось бы, чтобы работ Леонида Григорьевича было как можно больше, но сейчас уже ничего измениться не может. Наверное, это вечный вопрос философского характера, о том, что стоит ли тратить время на учеников в ущерб творческой работе. Думаю, что желание преподавать было у него естественным. В последние годы Леонид Григорьевич крайне внимательно относился к трате времени. Он исключил походы в гости, застолья, практически все светские мероприятия. Оставил для себя только рисование и преподавательскую деятельность. И это было буквально так. Как пишут в книгах – «полностью посвятил себя искусству». Поэтому можно сделать вывод, что оба эти вида деятельности были для него необходимы. И это то, что оставил Башков после себя. Осталось творческое наследие, остались ученики, которых не мало, и которые являются продолжением учителя.

Подводя итоги, хочу сказать, что Леонид Григорьевич был большим мастером, большим учителем, большим человеком и большим старшим другом, который всегда старался мне помочь.

Андрей Бодров
Член Союза художников